

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-353-363
EDN: ZEDWTS

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ТАМАДЫ В ЗАСТОЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Светлана Конакбиевна Башиева¹, Марина Чашифовна Шогенова²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

¹ bfo-pdo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6562-9879>

² shog-marina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-7795>

Аннотация. Проблема неразрывной связи языка и культуры представляет собой одну из значимых проблем в современных филологических исследованиях, что актуализирует понимание языковой личности как обобщенного типажа носителя этнического языка и этнической культуры, характеристика которого складывается из специфики мышления, речевого поведения, предпочтений эталонных (прототипических) культурных ценностей и нравственных норм.

В данной статье рассматриваются этнокультурные характеристики языковой личности тамады, когнитивный потенциал которой отражает систему мировоззренческого, философского и нравственного опыта этноса. Материал исследования дает основание определить такие маркеры языковой личности *тамады*, как готовность к созданию динамичной речи в структурированной коммуникации, избирательность в обращении к этнокультурным ценностям, способность к соблюдению главных принципов традиций, умение проявлять ораторское мастерство и лингвокреативность, стремление к сохранению когнитивных, прагматических и этических основ коммуникативной толерантности.

Ключевые слова: языковая личность, тамада, этнокультурные характеристики, этническая культура, благопожелания, этнодифференцирующие маркеры.

Для цитирования: Башиева С.К., Шогенова М.Ч. Этнокультурные характеристики языковой личности тамады в застольной коммуникации // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 353-363. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-353-363. EDN: ZEDWTS.

© Башиева С.К., Шогенова М.Ч., 2024

Original article

ETHNOCULTURAL CHARACTERISTICS OF THE TOASTMASTER'S LINGUISTIC PERSONALITY IN TABLE COMMUNICATION

Svetlana K. Bashieva¹, Marina Ch. Shogenova²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

¹ bfo-pdo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6562-9879>

² shog-marina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-7795>

Abstract. The problem of the inseparable connection of language and culture is one of the significant problems in modern philological research, which actualizes the understanding of a linguistic personality as a generalized type of native speaker of an ethnic language and ethnic culture, the characteristic of which consists of the specifics of thinking, speech behavior, preferences of reference (prototypical) cultural values and moral norms. This article examines the ethnocultural characteristics of the linguistic personality of the toastmaster, whose cognitive potential reflects the system of ideological, philosophical, and moral experience of the ethnos. The research material provides a basis to identify such markers of the toastmaster's linguistic personality as readiness to create dynamic speech in structured communication, selectivity in addressing ethnocultural values, the ability to observe the main principles of traditions, the ability to demonstrate oratory and linguistic creativity, the desire to preserve the cognitive, pragmatic and ethical foundations of communicative tolerance.

Keywords: linguistic personality, toastmaster, ethnocultural characteristics, ethnic culture, benevolence, ethnodifferentiating markers.

For citation: Bashieva S.K., Shogenova M.Ch. Ethnocultural characteristics of the toastmaster's linguistic personality in table communication. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 353-363. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-353-363. EDN: ZEDWTS.

© Bashieva S.K., Shogenova M.Ch., 2024

Вопросы детерминации языка, личности и культуры, будучи объектами исследования многих современных дисциплин, актуальны в контексте значимости и ценности языка в его отношении именно к национальной культуре, так как в сознании личности представления об мире отражаются через призму специфики этнического восприятия, характера, традиций, обычаев, ценностно-познавательной системы, менталитета народа. Национальный язык и культура не только воплощают особенности этнического миропонимания, но и способствуют созданию уникального духовного опыта как средоточия творений культуры, проецирующей этническую платформу – показателя результата освоения и постижения окружающего мира сообществом. Взаимосвязь конкретной культуры и конкретного языка – это основа создания портрета, имиджа личности, формирования пространства ее бытия, шкалы жизненных ценностей. Такую личность обоснованно можно позиционировать как инвариантную «в масштабе самой личности, часть в ее структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» [Караулов 2007: 42], как культурно-языковую личность, создающую «особое интерактивное пространство своей жизнедеятельности – культуру и язык» [Зыкова 2014: 76–77], которая, безусловно, маркируется признаком этничности (национальности) как неотъемлемым свойством каждого человека.

В подобном контексте интерес для изучения представляет этнокультурная языковая личность, которая обладает когнитивной способностью и потребностью вербально выразить и утверждать результаты исторически сформированного духовного наследия и собственного восприятия мира сквозь призму его осмысления при помощи типичных и уникальных моделей познавательной деятельности человека. Несомненно, такой является личность тамады, мастера слова, оратора, жизненный опыт которого самобытен,

уникален, содержит богатый лингвистический материал, воплощающий и отражающий систему взглядов, устойчивых мотивов, особенностей поведения.

Цель статьи – рассмотреть этнокультурные характеристики языковой личности тамады как хранителя и выразителя ценностного потенциала этнокультурной традиции.

Методологической основой исследования является базовая идея Г.И. Богина о том, что языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1984: 1].

Слово «тамада» в лексикографических источниках определяется как «старшинство во время пира; распорядитель пира, пирушки» (от груз. *tamadoba*) [ТСРЯ 1996: 649], «распорядитель пира, застолья» [Ожегов, Шведова 1998: 788]. Очевидно то, что в них происхождение лексемы «тамада» связано с праздником, застольем. Действительно, существуют предположения, что тамаду во время проведения мероприятия позиционируют как человека, от действий которого зависит не только ход мероприятия, но и дальнейшее благополучие «виновников» торжества и участников коммуникации.

По утверждению В.И. Абаева, слово «тамада» «через ряд промежуточных отношений» заимствовано из персидского языка, восходит к лексеме *dāmād* ‘зять’, ‘жених’, что обусловлено «развитием значения», так как «на Кавказе жениху охотно поручают организационные и распорядительные хлопоты на пирушках («хочешь получить девушку – покажи, на что способен») [Абаев 1979: 227]. Интересными являются и изыскания Х.Ч. Жилетежева, В.Х. Унатлокова, по мнению которых этимология слова тамада «до конца не ясна», однако «слово *тхьэмадэ* легко делится на два адыгских слова *тхьэ* «бог» и *адэ* «отец», что играет значительную роль в определении этимологии этого слова» [Жилетежев, Унатлоков 2020: 126–127]. В карачаево-балкарском языке лексема *тамада/тамата* имеет следующие значения: 1) тамада (старший на торжестве); 2) руководитель, начальник, глава, старший; главный [Гузеев 2003: 177]. Р.Т. Хатуев отмечает, что «у карачаево-балкарцев бытовала административная должность *эл тамата/эл баишчы* (аульный староста, или старшина), правой рукой которого был *къагъытчы* (писарь)» [Хатуев 2012: 55].

Как видно, притязаний много, однако важно то, что каждый исследователь в толковании слова находит тесную связь с этнической культурой, древними традициями, этикетными нормами, о чем свидетельствует и то, что слово *тамата* встречается в нартском эпосе: «– *Ай, эмина кирсин сизни юйюгюзге, – деп чамланды бек таматалары...*– Ай, чтоб вас чума настигла, – сказав, рассердился самый старший» [Ахматова, Башиева, Кимов 2022: 50], репрезентировано в таких пословицах, как *таматаны кёп сагъышы, юч алгъышы* «у тамады много раздумий, три тоста»; *тамата болгъан тынчды, таматалыкъ этген къыйынды* «легко быть тамадой, но исполнять обязанности тамады нелегко»; *сыйда низам болмаса – тамадан кёр* «если за столом нет порядка – вини тамаду» [Ёзден адет 2005: 473].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что **актуальность** исследования языковой личности тамады обусловлена не только интересом

ученых к различным аспектам современной лингвоперсонологии, но и особенностями национальных традиций, безусловно, занимающих важное место в нравственном кодексе любого народа и влияющих на характер самовыражения личности.

Следует отметить, что в кавказском социуме весьма распространенной является тенденция именованья человека тамадой, как правило, старшего в роду, пользующегося непререкаемым авторитетом, хорошо разбирающегося в народной мудрости, владеющего этикетными нормами поведения, умеющего регулировать процесс общения. К примеру, в кабардинской культуре, согласно национальному этикету, при обращении к старшему человеку вместо имени нередко используют слово *тхэмадэ* как свидетельство уважения и почтения. С таким же нравственным посылом им называют мужчину в семье, чаще свёкра.

Что касается торжественного мероприятия, определяющими факторами при выборе тамады являются не столько его профессиональные качества и социальный статус, хотя и это важно, сколько возраст, мудрость, житейский опыт. Как правило, эта роль отводится языковой личности, владеющей в полной мере лингвокогнитивным потенциалом этнического коллектива, знающей условия и нормы общения. На вербально-семантическом уровне тамада должен обладать такими готовностями, как готовность осуществлять выбор слов, готовность к устной речи, готовность к монологическому выступлению, владеть темпом спонтанной речи. К ним необходимо добавить и то, что в условиях полиэтнического пространства компетенции тамады могут быть расширены, если в коммуникативное поле вовлечены представители хотя бы двух этнических групп, что является одной из распространенных тенденций современного застолья. Следовательно, лингвистические и культурные компетенции тамады предполагают реализацию обозначенных готовностей и на русском языке.

Характер протекания коммуникативного процесса, возглавляемого тамадой, зависит в значительной степени от его умений актуализировать лингвокультурные ценности и традиции для конкретной группы людей, совершать упорядоченные действия, эффективно реализовывать замысел организаторов мероприятия. Так, М.Ч. Кремшокалова отмечает, что «роль старшего (тамады) в застольной коммуникации не только кабардинцев, но и всех кавказских народов велика. На нем лежит ответственность воспитания (особенно речевого) *адыгагъэ* (адыгства), благодарения бога за его благодеяния, особенно за пищу, соблюдение всех правил приличия, уважительного отношения к другим, почитания старших в доме и в роду, правильной оценки происходящих событий, почтительного отношения к женщине-матери и хозяйке дома и т.д.» [Кремшокалова 2012: 227].

Тамада как личность, следует социальным нормам и правилам, унаследованным от предков, в соответствии с которыми во многом определяются коммуникативные намерения, стиль и характер общения мероприятия. Он в силу своих возрастных и индивидуально-психологических особенностей придает мероприятию позитивную тональность, транслирует наиболее важные для социума установки, выстраивает иерархическую систему благопожеланий, актуализирующую тему торжества. Отметим в этом контексте

также и то, что в коммуникативной практике этнического коллектива тосты занимают важное место именно в застольном этикете как своеобразной школе сохранения традиционной речевой культуры, в которой носителем намыса – нравственности, уважительного отношения к окружающим – является именно тамада [Габуниа, Башиева 1993: 61]. В этих целях он использует специальные языковые средства как этнодифференцирующие маркеры, при помощи которых создается оптативный речевой акт, отражающий цель, содержание и речевую регламентацию ритуального общения. Например, интересен такой факт: в древнем карачаево-балкарском застольном этикете сохранились девять обязательных тостов на больших торжествах (свадьба, юбилей), от пяти до семи – на маленьких торжествах, в соответствии с которыми каждая чаша со слабо алкогольным напитком бозой имеет свою номинацию: 1) толу аякъ «полная чаша», 2) къонакъ аякъ (гостевая чаша), 3) улан (нёгер) аякъ «чаша друга», 4) жора аякъ «чаша посвящения»; 5) алтын аякъ «золотая чаша»; 6) эрлик аякъ «чаша мужества», 7) берекет аякъ «чаша изобилия», 8) эсен аякъ «чаша здоровья»; 9) атланган аякъ «дорожная (стременная) чаша» [Ёзден адет 2005: 408–409].

Согласно этнической культуре, застолье открывает тамада. Его вступительная речь конструируется в соответствии с общепринятыми канонами эпидейктического жанра риторики, включающими приветствие гостей, проявление внимания к делам в семье, роду, уважение к старшим, благодарность за то, что гости разделяют радостное событие и т.п. Для этого тамада использует клишированные благопожелания. Например, на кабардинских и балкарских торжествах он обращается к гостям со словами «Фыкъеблагъэ... фыкъызырыкIуам нэхъ гугъу Алыхьым къывимытIэ» (каб.) – «Добро пожаловать..., пусть самым трудным в вашей жизни будет сегодняшней приход...»; «Дауэ фыщытхэ? Дауэрэ фыкъэкъэкIуа? ФыкъыздикIахэри дауэ щытхэ? Фи нэхъыжьыфIхэри сым хуэдэ?» (каб.) – «Как дела? Как поживаете? Как доехали? Как ваши старшие?»; «Сау келигиз, жуукъ болугъуз» (балк.) – «Добро пожаловать, будьте нашими близкими»; «Келгенлени жоллары мамукъдан, жашаулары болсун зауукъдан...» (балк.) – «Пусть дорога пришедших будет мягкой (из ваты), а жизнь – благоприятной». В данной части застолья тамада выступает как человек, радушно, уважительно принимающий гостей, создающий доброжелательную атмосферу для присутствующих, так как именно на него возлагается большая ответственность за организацию и проведение подобной встречи. Проявить гостеприимство на высоком уровне – имиджевая (статусная) характеристика мероприятия, нравственная оценка рода, семьи, фамилии, что для кавказских народов является делом чести и достоинства. Примечательно то, что ответы гостей воспринимаются весьма трепетно, с вниманием и сопровождаются типичными речевыми формулами тамады, который желает им здоровья и долгих лет жизни: «Алыхьым фыгъэузыншэ», «Алыхьым фыгъэпсэу», «Сыту фIыт», «Алыхьым и фIыщIэщ» (каб.); «Аллах саулукъ-эсенлик берсин», «Аллах узакъ ёмюр берсин» (балк.) – «Дай Аллах здоровья!», «Пусть Аллах дарует длинный век!» и т.п. Подобное общение не только продуцирует позитивную информацию, но и

конструирует некое ментальное пространство, в котором каждое благопожелание, содержащее обращенность к Аллаху, должно отличаться максимальной информативностью, конкретностью, искренностью, что и заложено в благопожеланиях. Неслучайно балкарцы говорят: «*Ыразы болмай, алгыши этме*» (балк.) – «Не произноси благопожелание неискренно».

Ритуал приветствия сменяется началом застолья, открытием мероприятия тостом тамады, в котором репрезентирована характеристика мероприятия, благодарность гостям торжества, пожелание гостям, их семьям, родным и близким здоровья, долгих лет жизни и т.п., однако ключевым в подобной речевой ситуации становится обращение к Богу (Аллаху) (*тхьэлъэлу* – каб., *тилек* – балк.) в зависимости от цели ситуации общения. По мнению этнографа Б.Х. Бгажнокова, «...адыгские пожелания... можно подразделить на следующие разряды: 1) приветственные благопожелания, 2) прощальные благопожелания..., 3) событийные благопожелания, приуроченные к тому или иному событию в жизни реципиента (свадьба, рождение сына, продажа, покупка и т.д.)..., 4) благодарственные благопожелания..., 5) извинительные благопожелания...» [Бгажноков 1978: 111]. Тамада в своей речи использует практически все виды пожеланий – от приветствия до прощания – умело подбирает такие стандартные лексические единицы, которые не только тематически отражают характер ситуации, но и отличаются ярко выраженной национально-культурной семантикой. Полнота представления особенностей коммуникации во многом зависит от семантического разнообразия языковых единиц, используемых тамадой, степенью соответствия условиям, ситуации общения, умению языковой личности привлекать адекватные теме торжества речевые тактики. Так, при праздновании рождения ребенка лексический инвентарь включает на кабардинском языке в себя такие единицы, как: *сабий* – «ребенок», *псэбыдэ* – «крепкая душа», *насытыфIэ* – «счастливый», *гьащIэ кIыхь* – «долгая жизнь», *гьащIэ дахэ* – «красивая жизнь», благопожелания «*Адэ – анэм здригьэпIыж*» – «Пусть его воспитывают оба родителя», «*Хъейр Алыхьым фихьэгьэлягьу*» – «Пусть будет от него прок», «*ЦIэрылуэ Алыхьым ищI*» – «Пусть станет великим, известным», «*Льыщхэ Алыхьым ищI*» – «Пусть будет главным, старшим», «*Льэпкьыр зыгьэдэхэн, зэрыгушхуэн Алыхьым ищI*» – «Дай Аллах, чтобы украшал род, чтобы им гордился весь род» и т.п.; на балкарском языке – *сабий* – «ребенок», *жан* – «душа», *къызчыкъ* – «девочка», *жашичыкъ* – «мальчик», *адам улу* – «человек»; «*Сюеклери къаты болсунла*» – «Пусть кости будут крепкими», «*Биз ёхтемленирча болсун*» – «Пусть станет таким, чтобы мы им гордились». На свадьбе ключевыми словами на кабардинском языке будут слова *лъэпкь* – «род», *нэхьыжхэр* – «старшие», *унагьуэ* – «семья», *адэ-анэ* – «родители», *благьэ* – «родственники», *щауэ* – «парень», «жених», *нысащIэ* – «невеста», *намыс*, *хабзэ*, *пщIэ* – «уважение», «почтение», «достоинство» и т.д.; на балкарском языке – *той* – «свадьба», *тукъум* – «род», *келин* – «невеста», *киеу* – «жених» и *жангы жуукъла*, *жуукъ юлюш* – «новые родственники», *намыс*, *адет* – «кодекс чести» и т.д. Семантическую ценность ключевых лексических единиц подчеркивают такие кабардинские благопожелания, как: «*Зэблагьэ зэхуэмахуэ физдищI*» – «Пусть ваше родство будет крепким и счастливым»; «*ГуфIэгьуэ кIыхь Алыхьым фхуищI*» –

«Пусть станет это событие долгой радостью»; «*НасыныфIэ Алыхьым ищI*» – «Пусть вместе будут счастливы»; «*Жьы Алыхьым здищI*» – «Пусть вместе состарятся»; «*Кьуэбын ицэбын АлыхьымищI*» – «Пусть будет сто сыновей» и др.; балкарские благопожелания: «*Арбаз сабийден толсун*» – «Пусть двор заполнится детьми», «*Тогъуз атагъа деру айланыгъыз*» – «Живите до девятого поколения», «*Аллах сизни аман кёзден сакъласын*» – «Пусть Аллах уберезит вас от плохого глаза» и т.д.

Как видно из приведенных этикетных формул, независимо от тематической направленности события, все пожелания тамады концептуально подчинены нравственно-этическому кодексу, в котором воплощено доминирующее в сознании этноса понимание норм поведения, фундаментальные послы, хранящиеся в коллективной памяти и передающиеся из поколения в поколение. В таком контексте весьма убедительным представляются понятия *адыгство* кабардинского народа и *тау адет* карачаево-балкарского этноса. Слово *адыгагъэ* не имеет эквивалента в русском языке, определяется как «атрибуты адыгского этикета (человечность, благородство, учтивость, толерантность, гостеприимство и т.п.); *адыгагъэ ехын* (*кIэлъызехэн*) – оказать кому-либо внимание, гостеприимство; *адыгагъэ хэлъын* быть человечным, благородным, учтивым [Апажев, Коков 2008: 19–20]. Что касается этического кодекса «Тау адет», по заключению М.Ч. Джуртубаева, в нем отражены многовековой опыт этическая система балкарского народа, ключевая мысль которой может быть передана в следующем виде: «*Воспитывай в себе и в своих детях чувство собственного достоинства. Никогда его не роняй, ни при каких обстоятельствах, и никогда не унижай другого. Будь скромн и тверд*» [Ёзден Адет 2005]. Следовательно, не случайно, тамада в своей речи часто употребляет фразы «*хабзэм тету...*», «*хабзэм теухуауэ...*» (каб.), *адетге кёре* (балк.) – «согласно обычаю», то есть все свои действия, в том числе и речевые, он подкрепляет нормами, правилами, традициями, зафиксированными в этнической культуре.

В процессе речевой коммуникации тамада уточняет, меняет тактику общения с участниками мероприятия, но при этом сохраняет последовательность реализации основных сегментов торжества, то есть адекватно моделирует ситуацию речевого общения. В этой связи можно говорить о том, что он оценивает происходящее как субъективно, так и объективно, принимает по ходу различные ситуативные решения, придает торжеству некий динамизм, что в определенной степени характеризует его лингвокреативный потенциал. При этом участники торжества, которым предоставляется тамадой слово, развивая высказанные пожелания, дополняют их собственным содержанием, сохраняя общую тональность: «*Кьууанып жашагъыз*» (балк.) – «Живите в радости», «*Кюнлеригиз хар замандада быллайла болсунла*» (балк.) – «Пусть все ваши дни будут такими, как сегодняшний» и т.д. В комплексе все благопожелания направлены на эффективную коммуникацию сторон в рамках допустимых норм речевого поведения и канонов ритуального дискурса.

Стратегия общения тамады с участниками торжества опирается на коллективный и индивидуальный опыт, знание этнической картины мира,

владение информацией о ценностных ориентирах социума. Главная цель тамады – сконцентрировать внимание присутствующих на значимости торжества, поэтому он в свою речь делает вкрапления, которые обусловлены спецификой национальной концептуальной картины мира, например: «*Бу кьууанч миллетибизге уллу кьууанчды, нек десегиз, бюгюн энтда бир жангы юйюр кьуралады*» (балк.) – «Это торжество – большая радость для всего нашего народа, так как сегодня создается еще одна семья»; «*Аллах миллетибизге энтда кеп жан кьошсун*» (балк.) – «Пусть Аллах прибавит нашему этносу много душ (детей)» и т.д. А это предопределяет создание различных метафорических моделей, наиболее яркие из которых как оригинальные речевые продукты становятся достоянием не только отдельных личностей, но и публичной коммуникативной сферы этнического коллектива, передаются из поколения в поколение, эффективно используются при интерактивном взаимодействии адресанта и адресата, то есть входят в вербальную деятельность людей как обязательные компоненты. Среди них можно отметить такие пожелания, которые, казалось бы, устарели, но тем не менее не потеряли свою актуальность, например, «*Келин алгьа таякьчы тапсын, артда таракьчы тапсын*» (балк.) – «Пусть невестка сначала родит пастуха, потом чесальщицу шерсти», то есть сначала сына, потом – дочь.

Важной составляющей застольного этикета является завершение тамадой торжества, которое сопровождается такими благопожеланиями, как «*Аллах сизге жол жол берсин*» (балк.) – «Пусть Аллах откроет перед вами дорогу»; «*Кьонакьгьа келучюле болугьуз хар замандада*» (балк.) – «приезжайте всегда только в гости»; «*Фежьэжми, гьуэгу махуэ! Сыхьэтым я нэхьыфИым Алыхьым фыхуишэж, Узынишэу Алыхьым фынигьэсыж!*» (каб.) – «Счастливого пути!», «В добрый час!», «Дай Аллах, чтобы вы вернулись домой живыми и здоровыми!» и т.п., которые дополняют комплекс вербальных средств, реализуемых языковой личностью с помощью клишированных, ситуативно связанных между собой стратегий общения, направленных на реализацию соционормативного, этнокультурного, когнитивного, аксиологического компонентов коммуникативного процесса членов этнического коллектива. Следует отметить то, что ими индивид овладевает в процессе формирования лингвокогнитивного, прагматического уровней структуры языковой личности. Их выбор обусловлен ситуацией, традициями, ценностными установками собеседников, которым могут быть отведены роли говорящего и слушающего. Высшим критерием оценки достижения коммуникантами целевой установки являются такие признаки застолья, как речевая культура, модальность, толерантность, этичность, скромность, независимость от ранга участника мероприятия.

В целом, этнокультурные характеристики языковой личности тамады в застольном этикете включают в себя такие важные концептуальные признаки, как долголетие этноса, физическое и нравственное здоровье, уважение человека, благополучное будущее, счастье, радость и т.д. Они обусловлены относительной свободой выбора языковых средств, прагматической направленностью события, высокой этикетностью, объективируемой до

определенной степени речевыми клише. Облигаторными маркерами, обуславливающими ее полифункциональность, являются 1) динамичность, детерминированная временной ограниченностью ситуации, в которой актуализируется статус тамады; 2) избирательность при обращении к этнокультурным ценностям, репродуцировании и использовании доминантных, наиболее важных этнических символов (обрядов, фольклорных текстов, например, песен, фрагментов из легенд и т.д.), транслирующих гостям элементы мировосприятия и миропонимания кабардинцев и балкарцев, которые в определенной степени придают событию этнокультурную идентичность; 3) индивидуальность, выражающаяся в ценностном наполнении текста, адаптации обрядов к модернизированному современному сценарию свадьбы; 4) способность к языковой игре; 5) умение давать оценку событию; 6) выход за пределы межэтнического пространства при интернациональном характере состава гостей, чтобы избежать культурной изоляции участников торжества, объединенном временно темой встречи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1979 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. S–T. – Ленинград: Наука, 1979. – 358 с.
- Апажев, Коков 2008 – *Апажев М.Л., Коков Дж.Н.* Кабардино-черкесский-русский словарь. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 704 с.
- Ахматова, Башиева, Кимов 2022 – *Ахматова М.А., Башиева С.К., Кимов Р.С.* Особенности репрезентации мира в разных лингвокультурах: монография. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2022. – 139 с.
- Бгажноков 1978 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 162 с.
- Богин 1984 – *Богин Г.И.* Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. докт. филол. наук. – Ленинград, 1984. – 33 с.
- Габуниа, Башиева 1993 – *Габуниа З.М., Башиева С.К.* Риторика как часть традиционной культуры. – Нальчик: «ЭЛЬ-ФА», 1993. – 88 с.
- Гузеев 2003 – *Гузеев Ж.М.* Балкарско-русский школьный словарь. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 238 с.
- Ёзден Адет 2005 – *Ёзден Адет:* Этический кодекс карачаево-балкарского народа/ Сост., предисловие и комментарий М.Ч. Джуртубаева. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 576 с.
- Жилетежев, Унатлоков 2020 – *Жилетежев Х.Ч., Унатлоков В.Х.* Семантические изменения общественно-политических лексем в кабардино-черкесском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. – С. 125–128.
- Зыкова 2014 – *Зыкова И.В.* Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – 510 с.
- Караулов 2007 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.
- Кремшокалова 2012 – *Кремшокалова М.Ч.* Благопожелание (хох) как жанр речи в кабардино-черкесском языке// Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Т. 1. № 2. – 2012. – 223–232.
- Ожегов, Шведова 1998 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.
- ТСРЯ 1996 – *Толковый словарь русского языка:* В 4 т. Т.4 / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 752 с.
- Хатуев 2012 – *Хатуев Р.Т.* Карачаево-балкарская символика. Опыт этнической семиотики / Серия «Библиотека краеведа». – Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2012. – 89 с.

REFERENCES

- ABAEV V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. T. 3. S–T. – Leningrad: Nauka, 1979. – 358 p. (In Russ.).
- APAZHEV M.L., KOKOV DZh.N. *Kabardino-cherkesskii-russkii slovar'* [Kabardino-Circassian-Russian dictionary]. – Nal'chik: El'brus, 2008. – 704 p. (In Russ.).
- AKHMATOVA M.A., BASHIEVA S.K., KIMOV R.S. *Osobennosti reprezentatsii mira v raznykh lingvokul'turakh: monografiya* [Features of the representation of the world in different linguistic cultures]. – Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2022. – 139 p. (In Russ.).
- BGAZHOKOV B.Kh. *Adygskaia etiketa* [Adyghe etiquette]. – Nal'chik: El'brus, 1978. – 162 p. (In Russ.).
- BOGIN G.I. *Model' yazykovoii lichnosti v ee otnoshenii k raznoobraziiy tekstv* [The model of the linguistic personality in its relation to the varieties of texts]: avtoref. dis. dokt. filol. nauk. – Leningrad, 1984. – 33 p. (In Russ.).
- GABUNIA Z.M., BASHIEVA S.K. *Ritorika kak chast' traditsionnoi kul'tury* [Rhetoric as a part of traditional culture]. – Nal'chik: «EL"-FA», 1993. – 88 p. (In Russ.).
- GUZEEV Zh.M. *Balkarsko-russkii shkol'nyi slovar'* [Balkar-Russian school dictionary]. – Nal'chik: El'brus, 2003. – 238 p. (In Russ.).
- Ezden Adet: Eticheskii kodeks karachaevo-balkarskogo naroda* [Ezden Adet: The Ethical Code of the Karachay-Balkar people] / Sost., predislavie i kommentarii M.Ch. Dzhurtubaeva. – Nal'chik: El'brus, 2005. – 576 p. (In Russ.).
- ZHILETEZHEV Kh.Ch., UNATLOKOV V.Kh. *Semanticheskie izmeneniya obshchestvenno-politicheskikh leksem v kabardino-cherkesskom yazyke* [Semantic changes of socio-political lexemes in the Kabardino-Circassian language]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – Tambov: Gramota, 2020. Tom 13. Vypusk 3. – P. 125–128. (In Russ.).
- ZYKOVA I.V. *Rol' kontseptsfer yazyka v formirovaniy frazeologizmov kak kul'turno-yazykovykh znakov* [The role of the conceptual sphere of culture in the formation of phraseological units as cultural and linguistic signs]: diss. ... dokt. filol. nauk. – M., 2014. – 510 p. (In Russ.).
- KARAULOV Yu.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. – 264 p. (In Russ.).
- KREMSHOKALOVA M.Ch. *Blagopozhelanie (hoh) kak zhanr rechi v kabardino-cherkesskom yazyke* [Benevolence (hoh) as a genre of speech in the Kabardino-Circassian language]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. – T. 1. № 2. – 2012. – P. 223–232. (In Russ.).
- OZHEGOV S.I., SHVEDOVA N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. – M.: Azbukovnik, 1998. – 944 p. (In Russ.).
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]: V 4 t. T.4 / Pod red. prof. D. Ushakova. – M.: TERRA, 1996. – 752 p. (In Russ.).
- KhATUEV R.T. *Karachaevo-balkarskaya simvolika. Opyt etnicheskoi semiotiki* [Karachay-Balkar symbols. The experience of ethnic semiotics] / Seriya «Biblioteka kraevedy». – Cherkessk: IKO «Alanskii Ermitazh», 2012. – 89 p. (In Russ.).

Сведения об авторах

С.К. Башиева – доктор филологических наук, профессор.

М.Ч. Шогенова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

S.K. Bashieva – Doctor of Sciences (Philology), professor.

M.Ch. Shogenova – candidate of sciences (Philology), associate professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.